

О чувствах в спектакле Персевалия говорят только **ОТЕЛЛО и ДЕЗДЕМОНА**

Убил, чтобы не потерять

«*Отелло*» Люка Персевалия на фестивале «Балтдом»

Именно питерский «Балтдом» открыл для русских зрителей Томаса Остермайера, Гжеюша Яжину, Андрея Жолдака. В этом году он впервые привез в Россию еще одного хедлайнера европейской фестивальной жизни — бельгийца Люка Персевалия.

Известия 100 5-11 окт. — с. 14

МАРИНА ДАВЫДОВА

Персеваль — не какой-нибудь там радикал без страха и совести. Он режиссер обстоятельный. Он ставит классические пьесы, не слишком перевиная их сюжет и стараясь сохранить их дух. Но с буквами он обращается вольно. Его «*Отелло*», выпущенный в мюнхенском *Kammerspiele*, — это не только новая театральная реальность, это еще и настоящая новая драма. И устроителям одноименного фестиваля можно смело включать этот спектакль в программу, позиционировав его как постановку современного и, главное, очень талантливого текста. Восхитительная архитектоника Шекспира тут сохранена, но внутри постройки произведен ремонт. Крепкий каркас трагедии на месте, но лексическая начинка заменена самым решительным образом.

В обработке Феридуна Займоглу и Гюнтера Зенкеля Яго и компания обсуждают дела сексуальные с откровенностью и цинизмом, которые могут шокировать даже завзятого зрителя Театра.doc. Выносят на сцену ящик пива, соображают на троих, напившись, поют скабрезные частушки. Мавра кличут меж собой шоколадом. Ненормативного слова в простоте не скажут. *Verbatim* да и только. Это мир не воинов, но вояк, безжалостных пошляков, любящих грубые забавы и не чуждых уголовщине. В их лексиконе слово «любовь» и представить-то себе невозможно. О сексе тут не боятся спросить все. О чувствах говорят только Отелло и Дездемона. Папенька Дездемоны Брабантио, кстати, тоже хорош. «Вы что, сторонники демократической негроизизации страны?» — вопрошает он пропойц. И как-то ясно понима-

ешь, что этот благообразный, убеленный сединами правый радикал, может быть, пострашнее любого скинхеда. Он ведь в свое время не просто хотел расспросить Отелло о битвах. Он жаждал кровавых подробностей.

Можно без труда вообразить, какие постмодернистские узоры вышел бы по этой смелой драматургической канве театральный экстраверт, выставляющий все напоказ и кое-что на продажу. Персеваль — редкий в современном театре режиссер-интроверт. Он старается вникнуть в суть. Ярким подробностям предпочитает изящный минимализм. Языковая среда его «*Отелло*» предельно современна. Театральная — предельно абстрактна. Шекспировский текст парадоксальным образом максимально приближен к сегодняшнему дню и максимально от него отдален. Пустая сцена. Свет, то и дело превращающий фигуры в подобие теней. Черные костюмы. Черный рояль на небольшом возвышении.

Некоторые эмоции, которые трудно передать сценическими средствами, отданы на откуп музыке. И синкопы, извлекаемые из рояля темпераментным тапером, рассказывают о душевных бурях Отелло лучше любых слов.

Сам же он не кричит и не рвет страсть в клочья. Никакой он не мавр, а большой, грузный и незлобивый в общем бюргер, заподозрить в котором героя еще труднее, чем страстного любовника. И Дездемона ему под стать — коренастая, низкозадая.

Но кто сказал вам, что любить умеют лишь герои и красавицы и, главное, что только они достойны любви. Современное искусство кричит совсем о другом. В этом искусстве уже не осталось подлинных трагиков,

но трагедии все еще случаются. Все меньше становятся красоты, но чувства не ослабевают. Космический охват событий пропал,

но накал страсти не ослаб. Любовь такого Отелло, может, и лишена привычной возышенности, но искренна. Она не залог мировой гармонии, но она залог душевной чистоты. Она делает возлюбленных живыми людьми. Все прочие участники спектакля несмотря на предельную лексическую достоверность похожи на персонажей криминальной драмы, в которую Отелло и Дездемона попали как кур в огни (в какой-то момент Родриго скажет Яго, что его план кажется ему похожим на дурной боевик, и он в общем прав). Это спектакль о любви, случившейся в мире, где ей согласно законам жанра и укорениться-то вроде негде. И возвращаться из этой любви назад в криминальное чтиво нет решительно никаких сил.

Отелло убивает Дездемону не потому, что взревновал, а потому, что вдруг ясно понял, что теряет ее. Надо, чтобы осталась рядом. Он хватает ее одной рукой за шею, сжимает в смертельных объятьях, и спектакль кончается. И эта история, рассказанная откровенным языком новой драмы и лаконичным сценическим языком Персевалия, оказывается пострашнее, чем у Шекспира. В ней за убийством не может последовать ни попрания зла, ни наказания преступника. Ни очищения, ни покаяния. Только одиночество. Любовь вспыхнула недолго и погасла. И свет в темноте не светит. И тьма объяла его.